

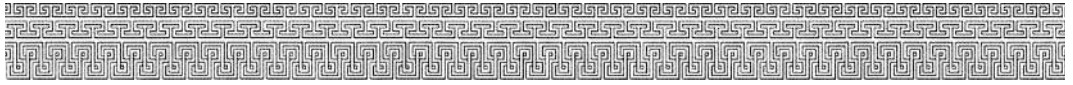

Денис КАСПЕРОВ родился в Тюмени. В 2002 году окончил ВГИК. Член СП России. За киносценарий «Глаза вечности» о выдающемся российском скульпторе А. С. Голубкиной удостоен высшей награды (с вручением статуэтки «Серебряный витязь» и диплома) Пятого Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (2014), проводящегося в рамках Славянского форума искусств. Печатался в газетах «Рабочая трибуна», «Московский железнодорожник», в журналах «Московский ритм», «Путь», «Московский парнас» и других.

* * *

В комнате пусто и тихо,
Только часы стучат.
Глупый слагаю стих я,
Тускло горит свеча.
Микрорайон в тумане.
Словно бокал вина,
Призрачный город манит
Выпить его до дна.

Грешен и я перед Богом:
Струны гитары опять
Трогаю я перебором,
Будто волос твоих прядь.
Он мне простит, наверно,
Грустную песню во мгле.
Все-таки это скверно —
Быть одному на земле.

МОНОЛОГ УШЕДШЕГО ПОЭТА

Вот и всё, отзвенела гитара,
В этот раз я ушел насовсем,
Посмуглевший слегка от загара
Или мелких житейских проблем.

Был чудесен мой век, кроме шуток.
Может, кто-то когда-то споет,
Как в отпущенный мне промежуток
Обессмертил я имя свое.

Это, видно, традицией стало,
Только в ней справедливости нет,
Что от пули, петли иль кинжала
Умирает в России поэт.

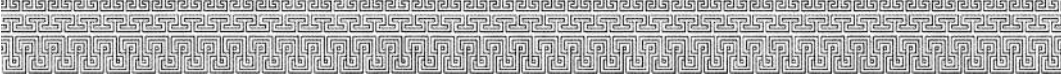
Так и мой поединок со смертью
Увенчался печальным концом.
Закружённый земной круговертью,
Я не смог его встретить лицом.

В спину нож — это даже не больно,
Но, поверьте, гораздо больней
Видеть, как после смерти невольно
Обретаешь ты столько друзей.

Где ж вы были, когда я в опале
К вам стучался в закрытую дверь?
Почему вы меня не пускали?
И зачем я вам нужен теперь?

А когда я стоял полумёртвый
Под окном вашим, кутаясь в шарф,
Вы хотели прогнать меня к чёрту,
А не выпить со мной брудершафт.

Отчего же всё так изменилось?
Как по воле волшебной руки,
Вы несете ко мне на могилу
И цветы, и любовь, и стихи.

Только это теперь мне не нужно —
Здесь с реальностью порвана нить.
Запоздавшую вашу дружбу
Я уже не смогу оценить.

Люди, станьте моею мечтою:
Берегите не мертвых — живых,
Наполняйте ваш мир добротой,
Значит, будете вечны и вы...

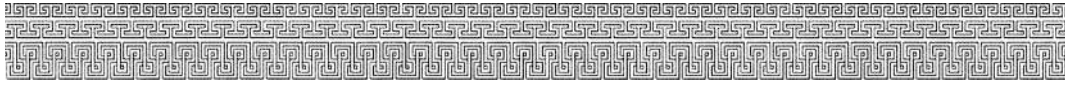
ПИСЬМО

Ну что мне тебе рассказать?
О том, как я жил эти годы?
Какая тут нынче погода?
Гроза, дорогая, гроза.

Но вряд ли меня ты поймешь
В своих повседневных заботах.
Здесь трудно предсказывать что-то —
И холод, и солнце, и дождь.

Проносятся дни октября
И майские чудные ночки...
За все это время — ни строчки,
Но я не сержусь на тебя.

Ты выбор свой сделала верно:
Не нужен журавль в облаках,
Когда так надежно от ветра
Упрятан твой домик в горах.

И яхта стоит у причала,
И чайки кружатся над ней.
Об этом, я помню, мечтала
Ты в тесной палатке моей.

И аист прижился на крыше,
И муж задремал у стола...
Да, кстати, чего он не пишет?
Дела? Вероятно, дела.

Он думает: как это глупо —
Искать непонятно чего,
Ходить, не снимая тулупа.
И я понимаю его.

Романтики вышли из моды,
Их время ушло навсегда,
Вернулись они из похода
В большие, как жизнь, города.

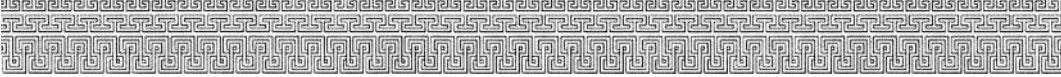
И все же когда-то, быть может,
Пускай через тысячу лет,
Вдруг кто-нибудь скажет, что прожит
Не зря был мой век на земле.

ВИДЕНИЕ НОЧИ

Мне, наверное, это приснилось:
Старый замок, мерцанье свечей,
Облик ласковый, искренний, милый
У любимой подруги моей.

Ты ли это, ответь, дорогая,
Так нежна, так прелестна была?
Или, может, колдунья какая
По ошибке меня завлекла?

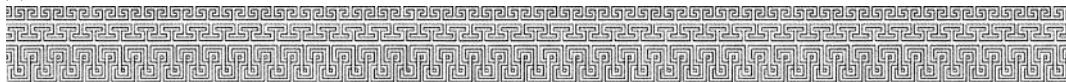
Пригласила, просила остаться,
И, хмелея от счастья и вин,
Я не смог... я решился признаться
В беззаветной, кошмарной любви.

А потом у окна мы сидели
И, казалось, не будет конца
Вдохновенной январской метели,
Что искала приют у крыльца.

Она выла, страдала и пела,
Но по правилам жизни земной
Ночь прошла, и метель улетела,
И любовь унесла за собой.

ВЕСНА. ВЗГЛЯД ИЗ ОКНА

Когда-то был я по уши влюблен
В наивное шальное время года,
Но сука-жизнь катилась под уклон
В традициях насмешницы-природы.
И вот зеленый змий — приятель мой —
Открыл мне как-то истину такую,
Что дни уже идут не чередой,
А как в кино: друг друга атакую.
На понедельник вторник точит зуб
И вдруг беднягу — цап! и — мордой в гравий.
Однако вторник тоже полутруп,
Поскольку и ему недолго править.
Среда его снедает, а четверг
Ее саму уписывает жадно.
А в пятницу проклятый фейерверк
Кончается в душе моей пожаром.
Но вот опять повеяло весной,
И разлетелась со стола бумага:
Доставил теплый ветер в выходной
Клоаки дух из местного оврага.

Стою я у раскрытого окна,
Приняв сей дар хоть свежий, но суровый,
И наблюдаю, чем живет страна
В пределах территории дворовой.

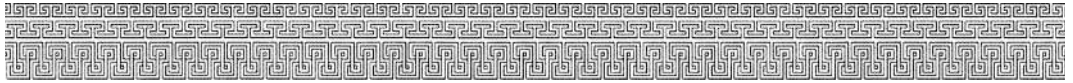
Я вижу, как потребности растут
У моего соседа-бизнесмена:
Еще вчера он парковался тут
На старых «Жигулях» капотом в стену.
А нынче, глядь, с попытки номер пять
Он запихал сожительницу в «Шкоду»,
Утрамбовал назад ручную кладь
И протаранил палисадник сходу.

А вот Серёга, бывший футболист,
На детскую площадку вывел дога,
Где талый снег еще на редкость чист,
Но безразличен к этому Серёга.
Красавец дог по кличке Ловелас
Здесь будто жеребец в широком поле,
Попробуй тронь — Серёга крикнет «фас!»,
Как «пас!» когда-то бомбардиру Коле.

Вот Витька со второго этажа
Спустился вниз и сразу прыгнул в лужу.
Болтают, что в психушке он лежал
И сторонятся все, а я с ним дружен.
Ему за сорок, житель коренной,
Блажен, добросердечен, неприкаян.
По-детски он любит весной,
Кораблики бумажные пуская.

А вот идет наш участковый Стас,
Подпольная фамилия Блюститель.
Он год назад меня от смерти спас —
Сломал ребро и бросил в вырезатель.

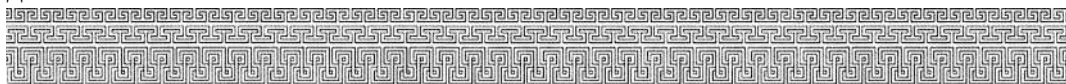
Но не держу я на громилу зла,
 Ведь я тогда заснул в мороз у дома.
 К тому же, от него жена ушла
 К какому-то пижону из Газпрома.

Вот Ася Вейсман-маленькая грудь
 Бьет по ковру, кусая папиросу.
 Я к ней пытался в душу заглянуть,
 Но получил отставку без вопросов.
 Дизайнер Ася — мать троих сынов,
 И ей самой, наверное, не очень.
 Однако был ответ ее таков:
 — Все мужики — козлы, базар окончен!

Дед Валентин в потертом галифе
 Втолковывает школьнику чего-то.
 Отец районных аутодафе,
 Внебрачный эпигон Искарриота.
 О нем два слова. В прошлом он стукач
 И делегат какого-то партсъезда,
 А ныне — необузданный трепач,
 Гроза двора и староста подъезда.
 Малец глотал словесное дерьмо,
 Но, наконец, не выдержал «прикола»
 И, выдав: «А пошел ты на х.., чмо»,
 Поправил ранец и умчался в школу.

.....
 Апрель в начале, звучная капель
 Всё больше набирает обороты.
 И что с того? Я будто отупел
 От этих стрел, назойливых до рвоты.
 Чего я выжидаю у окна?
 Зачем гляжу на мир? В нем нет мне блага...
 Пардон, опять доставила весна
 Смердящую посылку из оврага...

ОТТЕПЕЛЬ

Тихо дремлет ночной полустанок
В стороне от заброшенных дач.
Старый пес приютился устало
Под скамейкой, свернувшись в калач.

Ледяные горошины тают
На взлохмаченных рыжих боках —
Накануне грачиная стая
Расклевала февраль впопыхах.

Но не знали крылатые гости,
Опускаясь на эти поля,
Что готовит мороз на погосте
Тридцать градусов ниже нуля.

Здесь и раньше такое случалось:
Пожелала вернуться зима.
Но тогда все затеять сначала
Не дала ей природа сама.

Разозлилась она, не пустила,
Защитила измученный край.
А вот нынче студеную силу
Не унять, не загнать за Можай.

И когда в предрассветном тумане
Затрещат на ветру провода,
Все живое со скоростью лани
Поспешит неизвестно куда.

Воспарят и грачи в поднебесье
Поредевшей невзрачной семьей...
Но останется в этом предместье
Одинокий, голодный, больной.

Будет медленно здесь умирать он,
Обреченной земли старожил,
Тот, который сейчас в полумраке
Под скамьей на платформе лежит...

ДОВОЕННЫЙ ВАЛЬС

Этюд

Была теплая золотая осень. Листопад украсил аллеи городского парка, маленькую танцплощадку, чудом уцелевшую с довоенных лет. Воскресный день только начинался, но кругом уже шумели карусели, медленно уплывало в небо «чертовое колесо», а откуда-то издалека доносились звуки вальса.

На скамейке в глубине парка сидел человек лет сорока в сером пальто и в шляпе. Взгляд его был недвижим, будто это вовсе был не человек, а скульптура, созданная великим мастером. Но это впечатление пропадало, как только он опускал руку в карман, сухими размеренными движениями доставал папиросу и закуривал. Курил он часто, но всегда как-то монотонно: с точными интервалами, не оставляя надолго папиросу во рту. Что-то загадочное было в нем, и прохожие невольно обращали на него внимание. А он словно жил в другом, своем, таинственном мире...

— Здравствуйте, — сказала она и улыбнулась. — Я немного опоздала. Только вы не смеете сердиться. Просто вчера я завела будильник на час позже... Ну, по ошибке... Вы-то уж должны меня понять, а?

— Да нет, что вы... Все в порядке... Садитесь, — он подвинулся на скамейке и спросил неожиданно: — Что у вас с голосом? Вы простудились?

На мгновение она застыла, но тут же рассмеялась задорным смехом:

— От вас решительно нельзя ничего утаить. Я не хотела огорчать вас: меня действительно продуло ночью из окна. Но вы не волнуйтесь, это быстро пройдет. Ну, рассказывайте, чем вы тут занимались?

Ему нравилась ее манера говорить. Прямая, фронтальная, смелая, однако и не лишенная некоторого кокетства. Он видел таких женщин на передовой, и всегда они внушали ему трепет.

— Ну, что же вы молчите? — спросила она. — Я жду.

— Ничем, — ответил он, пожав плечами. — Ничем не занимался...

— Ну, это совсем не интересно!

Она как будто расстроилась, а он тут же подхватил:

— Неинтересно?! Тогда скажем так: я дышал свежим воздухом, наслаждался осенью. Я люблю осень!

— Минуточку, — улыбнулась она. — Вчера вы говорили, что у вас любимое время года — весна.

Он растерялся, будто застигнутый врасплох, не зная, что отвечать.

— И осень тоже... — наконец проговорил он смущенно.

Что-то легкое упало к ней на колени. Она нащупала рукой — жестковатый, прохладный лист тополя.

— Черт подери! — сказала она. — А ведь мы с вами лучше других можем оценить эту красоту.

— Какую? О чем вы?.. — он чувствовал, что с каждой секундой ему становится все труднее говорить.

— Красоту природы, — продолжала она. — И в этом смысле мы самые счастливые люди на Земле. Вы так не считаете?

Он не расслышал ее последних слов, мучительно думая, рассказать ли ей про то невообразимое событие, что случилось с ним сегодня ночью. Только бы это не показалось ей глупостью, бредом или, хуже того, выдумкой. Ведь если разобраться, этого и правда не могло быть.

— Ну что же вы все молчите и молчите? — казалось, обиделась она. — Ведь вы кавалер, так развлекайте даму.

Он взял лист тополя из ее руки.

— Послушайте, — сказал он серьезно. — Я сегодня видел вас... во сне.

— Как?.. — она замерла, слушая.

— Да, во сне, — повторил он, сжимая ее руку, и вдруг заговорил твердо, убедительно. — Это было в каком-то парке, может, даже и здесь. Танцплощадка... Полно народу, как тогда, в сороковом... Играет оркестр... весело так... и вдруг — вы. Вы были в розовом платье, красивая... стройная... А я... Словом, я пригласил вас на танец...

Сначала она не поверила. Ведь они знали друг друга всего шесть дней. Встречались, рассказывали истории из своего прошлого, шутили, смеялись. Но это...

— И как же... Как вы догадались, что это была я? Вы же совсем меня не...

— Это были вы! — перебил он. — Я уверен.

Они встретились глазами, и вдруг им показалось, что они увидели друг друга. На мгновение, на миг, но увидели. Так ясно, как могло бы это быть тогда — до тех роковых взрывов, до этой черной пустоты. До войны.

..Стояла теплая золотая осень. Из глубины парка доносились звуки вальса.

